

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ф95

Иллюстрация на обложку *Дары Вдовиной*

Дизайн обложки *Василия Половцева*

Фурман, Анна.

Ф95 Фургончик с мороженым доставляет мечту : [роман] / Анна Фурман. – Москва: Издательство АСТ, 2024. – 288 с. – (Лавочка чудес).

ISBN 978-5-17-169827-0

Ведьма Сольвейг вот уже четыреста лет собирает и бережно хранит чужие мечты: маленькие и большие, необычные и самые сокровенные, даруя в обмен на них вечную жизнь. А в свободное время торгует мороженым в лавке под названием «Фургончик» в приветливом приморском городке. Жизнь Сольвейг кажется похожей на сказку, но так ли прекрасна вечность, в которой нет собственных желаний и надежд? Задаваясь этим вопросом, Сольвейг проводит день за днем, пока северный ветер не приводит на порог «Фургончика» необычного гостя – комивояжера из Англии, который мечтает попробовать самое вкусное мороженое в мире.

Возможно, именно он поможет найти ответ.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Анна Фурман, 2024
© Д. Вдовина, иллюстрация на обложку

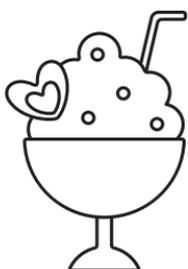
В оформлении макета использованы материалы по лицензии
© shutterstock.com

ISBN 978-5-17-169827-0

© ООО «Издательство АСТ», 2024

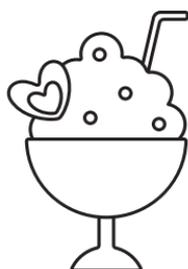
*Посвящается всем мечтателям,
отчаянным и отчаявшимся.*





ПРОЛОГ

Сольвейг никогда не видела Париж. Она бывала там проездами, набегами, проскакивала насквозь, но каждый раз мимо. Как и сотню других городов сотню лет назад. Что значит увидеть? По-настоящему увидеть. Запечатлеть в памяти изыски архитектуры, причудливые детали дамских нарядов и вечную строгость джентльменов, меье, гербов, сеньоров? Купить газету, где печатают смешные карикатуры, или рисунок у уличного художника? Положить в конверт, убрать в ящик секретера и забыть, пока не придет время похвастать поездкой: «О, Пари! — непременно с придыханием и тягучей «эр», на французский манер, чтобы пустить пыль в глаза, — Пари сияет, как и всегда»? Нет. По-настоящему увидеть Париж, можно только разделив его с кем-то.



СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР

Июль тысяча девятьсот двадцать третьего был раскален добела. Мутное марево висело в воздухе, залезая под одежду и, казалось, под кожу, — пробиравало до самых костей. Вся Варна изнемогала от жары. Такой жары, когда не можешь думать ни о чем другом, кроме спасительной прохлады. Но даже море, которому полагалось ее приносить, застыло, будто яичница на сковородке, очерченное линией дикого пляжа с одной стороны и бесконечное с другой. Оно лениво перетекало за горизонт, встречаясь с безоблачным небом, и находило покой в его объятиях.

Сольвейг спускалась к морю каждое утро, едва солнце появлялось над водой. Иногда море замечало ее и приветствовало легким дуновением, играя с подолом платья, но настоящего ветра не было видно и слышно. Песок обжигал босые ноги, огромные камни, торчащие тут и там, не успевали остыть за ночь, лес вдоль берега угрюмо молчал в ожидании нового дня.

Возвращаясь в город, Сольвейг бродила между домами. Резные фасады, арки и колоннады манили ценителей классической архитектуры и простых



зевак со всей Европы. Галата — самый южный район Варны — на глазах превращалась в курортную Мекку. Скитания продолжались до тех пор, пока дома не исторгали наружу сонных горожан и любопытных туристов. «Желаете фото на память?», «Новости, последние новости!», «Илко, дружище, сколько лет!», «Прохладительные напитки!», «Налетай!», «Торопись!» — звучало отовсюду. Одни спешили на службу, обмахиваясь сегодняшними газетами, другие глядели по сторонам. Влюбленные парочки, гордые одиночки, вездесущие торговцы. Все они мечтали о чем-то, и Сольвейг точно знала, о чем.

На углу улицы Прибоя, в маленьком закутке, притаился «Фургончик» — магазин, где она торговала спасением. Сливочным, шоколадным, мятным, присыпанным орешками, политым карамелью и кофейным ликером. Мороженое таяло, едва покидало холодильный ларь, но все же дарило желанную прохладу. Толпы туристов обходили неприметный «Фургончик» стороной, предпочитая большой, обвешанный яркой рекламой магазин напротив. Его хозяин, Илия, весь состоял из напускной вежливости, бесконечных цифр и пышных усов. Он приветствовал Сольвейг учтивым поклоном, открывая «Снеговика», а под усами прятал усмешку — Илия давно надеялся заполучить и «Фургончик».

К Сольвейг же навевались колоритные за-
всегда и чумазые ребяташки, которых не пугали слухи, что хозяйка — самая настоящая ведьма. Во-первых, у дверей «Фургончика» всегда висели пучки сушеных трав — кто-то полагал, что так она отпугивает духов. Во-вторых, Сольвейг с легкостью угадывала желания клиентов — в этом ей помогала





колода потрепанных карт. А в-третьих, Сольвейг поселилась в Варне пятьдесят лет назад и с тех пор не постарела ни на день. Хотя это беспокоило горожан меньше всего. Она стала легендой, частью чудаковатого местного пейзажа: некоторые предпочитали думать, что «Фургончик» перешел ей по наследству от похожей как две капли воды матери, а некоторые не думали об этом вовсе. И правда, кому какое дело, пока мороженое не потечет на брюки? Избалованные солнцем южане — удивительный народ. Ничто не заботит их всерьез. Говорили даже, что мороженое Сольвейг возвращает вкус к жизни, и лишь немногие знали, чем она промышляет, когда не кипятит молоко, не взбивает сливки и не ждет ветра.



Первыми на пороге «Фургончика» неизменно появлялись дети. Они заходили по пути на пляж летом и по дороге в школу осенью, с карманами, набитыми «сокровищами»: гладкими камушками, ветками и медячками — десять стотинок за вафельный рожок.

— Чего бы ты хотел, Петар?

— Летать по небу!

— Нет же, дурачок! Чего бы ты хотел съесть?

Петар — неуклюжий конопатый мальчишка шести лет от роду показал брату язык.

— Сам ты дурачок!

— А вот и нет, я старше, а значит, дурачок — ты!

Оба уставились на Сольвейг одинаково голубыми глазами. Не имея ни малейшего представ-



ления, как рассудить столь серьезный спор, она взялась за карты. В руку «запрыгнула» девятка треф. Сольвейг показала ее братьям.

— Что это значит, госпожица? — спросил старший, Алеко. Он держался почти надменно, всем своим видом демонстрируя превосходство в росте — по меньшей мере две пяди и возрасте — целый год.

— Это значит, что ни один из вас не дурачок, — Сольвейг наполнила рожок тремя шариками «Черничного восторга» для Петара. — Держи, Икар. Смотри, не опали крылья.

— Благодаря ти, — он тут же с упоением принялся поедать мороженое, испачкав щеки и нос.

— Ну а ты, Алеко, чего хочешь ты? — обратилась она к старшему.

Он потупился, нырнув в раздумья, а после выпалил, быстро и скомканно, будто собирался сказать что-то другое:

— Я хочу вырастить самый прекрасный цветок, чтобы подарить его майке*.

Сольвейг зажмурилась и наугад вынула из колоды еще одну карту — конечно, червонная тройка, разве могло быть иначе? Украсив сливочный пломбир кусочками свежей клубники, она протянула его Алеко. Его строгое сморщенное личико разгладилось удивлением.

— Спасибо, госпожица! Это именно то, о чем я подумал...

— Карты никогда не врут, Алико.

Вытряхнув из карманов десяток монет и одну красивую ракушку — в знак признательности,

* Майка — с болгарского «мама».





братья убежали. Через мгновение их поглотило мерцающее марево. Такой простой фокус, карточный трюк, и кто угодно поверит в магию.

Сольвейг повертела ракушку, подставляя лучам: она искрилась, умытая Черным морем и белым солнцем. Разве в невинных детских мечтах нет собственной магии? Даже когда время развеивает их в прах, частичка волшебства все равно остается в сердце. Она сияет, как одинокая лампадка в окне родительского дома, приглашая согреться чаем по рецепту заботливой бабушки и воспоминаниями с «дальних полок». Сольвейг не знала, кем вырастут эти дети, но надеялась, что даже в темные времена каждый из них вспомнит вкус своей мечты.

Ракушка устроилась рядом с другими детскими дарами. Иссушенной лапкой на удачу — отец малышки Николины разводил кроликов. Этот зверек умер от старости. «Ах, если бы кролики жили вечно, госпожица», — сетовала Николина, уплетая пломбир в шоколаде. Деревянной дудочкой. «Моя музыка будет самой веселой, все станут смеяться и хлопать в ладоши», — юный «крысолов» Радко обожал замороженные фрукты. Россыпью блестящих бусинок. «Все мальчишки будут оборачиваться мне вслед», — жеманница Ивета предпочитала сорбет из лесных ягод.

Некоторые подарки Сольвейг хранила десятилетиями. Их приносили родители нынешних детей, когда сами еще были малышами. Время неспешно текло сквозь пальцы, как растаявший шоколад. За ней по пятам следовала тоска — неизменный спутник всякого смирения. Мир вокруг походил на ожившую картинку, карикатуру, одну из тех, что крутили в «Синематограф Пари». Сольвейг как



никто другой знала: одиночество, помноженное на вечность, ощущается во сто крат сильнее.

Ей не пришлось долго грустить — колокольчик на двери приветливо звякнул. В лавку, промокая лоб платком, вошел постоянный покупатель, герр Ханц. Он приподнял край шляпы, здороваясь. Даже в такую жару герр Ханц был при полном параде: выглаженный коричневый костюм с заплатками на локтях, ботинки, из которых на тебя смотрело собственное отражение, потертый кожаный дипломат. Герр Ханц покинул Германию, когда закончилась война*, обосновался в Варне и теперь трудился телеграфистом.

Каждый раз, наведываясь в «Фургончик», он озирался по сторонам. Выглядывал в окно, украшенное детскими рисунками, мерил комнату шагами — его губы беззвучно шевелились: «Eins, zwei, drei»**, — а после замирал у витрины, делая вид, что старательно выбирает мороженое. Герр Ханц постукивал пальцами по подбородку, бормотал под нос: «Черника... черника полезна для зрения», время от времени украдкой поглядывая на хозяйку. Сольвейг знала, о чем он мечтал на протяжении последних пяти лет, но несчастный герр Ханц никак не мог произнести это вслух. И потому уходил, покупая один и тот же пломбир с кофейным ликером, чтобы завтра вернуться вновь. К Сольвейг, своему нелепому ритуалу, исполненному сомнений, снова измерить «Фургончик» — «eins, zwei, drei» — и решить, не решаясь.

* Имеется в виду Первая мировая война (1914 — 1918).

** Раз, два, три (нем.).





Однако сегодня, не успел герр Ханц прильнуть к витрине, дверь опять распахнулась. В «Фургончик» на крыльях любви ворвалась госпожа Дмитрова.

— Душечка, раскинь для меня карты! — она бросилась к прилавку, звеня бусами и источая аромат восточного базара. На ее рыжих с проседью волосах примостился венок из полевых ромашек.

Госпожа Дмитрова — неунывающая вдова: «Ах, что вы, мне восемнадцать. Восемнадцать с тридцатью», — владела цветочной лавкой в конце Шестой улицы и не знала отбоя от поклонников. Местные прозвали ее «мадам Бижу» за любовь к экстравагантным головным уборам, французским туалетам и звук, который она издавала, порхая от цветка к цветку, — «дзинь-дзинь».

— Вы представляете, душечка, что вчера учудил господин Алеков? — затараторила она.

Герр Ханц бросил на нее взгляд: скорее опасливый, чем заинтересованный, и поспешил отойти к стене, чтобы изучить старинную карту мира — один из любимых артефактов Сольвейг. Госпожа Дмитрова, в свою очередь, осмотрела незнакомца от верхушки шляпы до стоптанных каблучков и, не сочтя его хоть сколь-нибудь стоящим внимания, продолжила изливать в уши Сольвейг новую порцию сплетен:

— Он покупал у меня розы, чудные немецкие розы — «Фрау Карл Друшки». И кто только сочиняет им названия? Разве фрау может быть Карлом?

Услышав это, герр Ханц судорожно вздохнул. Госпожа Дмитрова покосилась на него, но тут же отмахнулась как от назойливой мухи. «Дзинь-дзинь», — пропели браслеты на ее запястье.



— Я лично привезла пару кустов, чтобы выращивать в своем саду... — она болтала без умолку, и Сольвейг быстро потеряла нить беседы. Куда больше ее занимал герр Ханц. Она не видела его лица, но опущенные плечи и безвольно повисшие руки говорили о многом.

— Так что скажете, душечка, чьи ухаживания мне стоит принять? — госпожа Дмитрова коснулась пальцев Сольвейг.

— Сейчас посмотрим, — она наугад вытянула несколько карт и разложила их на прилавке. — Тройка трэф — к сомнениям.

— Это и так ясно! Яснее, чем день.

— Бубновая королева...

Госпожа Дмитрова приосанилась и расцвела в кокетливой улыбке.

— Десятка пик и червонный туз.

— И как же это понимать?

— Следуйте зову своего сердца, госпожа Дмитрова.

— Ох, прошу вас, душечка, просто Иванка. Я не настолько стара.

Она поохала еще пару минут, определяясь с сердечным выбором, и радостно убежала, довольная беседой и «Шоколадной негой» с орешками, черносливом и курагой. Госпожа Дмитрова желала получить от жизни все и сразу.

Едва подол ее платья, скроенного по последней парижской моде, мелькнул за порогом, герр Ханц очутился у прилавка — теперь он спешил на службу. Госпожа Дмитрова похитила его драгоценное время.

— Вам как обычно, герр Ханц?

Он поднял глаза, несколько раз открыл и закрыл рот, а после едва заметно кивнул.





Когда герр Ханц ушел, Сольвейг долго смотрела ему вслед. Ей было знакомо это чувство — тоска по родине, покинутой против собственной воли.



К вечеру жара улеглась. Она постепенно истончалась, как кусок масла на ломте хлеба, но ее липкое присутствие ощущалось в каждом движении воздуха. За окном «Фургончика» пронеслись автомобили — они уже не напоминали конные повозки прошлых лет и вольготно устроились на улицах, «крякая» гудками на утиный манер. Особое волшебство грядущей ночи отражалось на лицах горожан и туристов: чаще мелькали довольные улыбки, громче звучали голоса. Неподалеку от «Фургончика» расположились музыканты — возвращаясь со службы, люди охотнее бросали мелочь в «раскрытые пасти» шляп.

Сольвейг предчувствовала ветер. Слышала в протяжном стоне скрипки, видела в прозрачных силуэтах редких облаков. К ней взывало море — его солоноватый вкус растворялся на кончике языка. Песня, древняя, как сама жизнь, просилась наружу, царапая горло. Сольвейг не помнила слов этой песни, — были ли они вообще? — но ей грезились вой между щелями утлой хижины и чей-то голос: «Грядет северный ветер — ветер перемен».

Карты мелькали в беспокойных руках. Она напела, когда дверь распахнулась, и вместе с порывом пьянящего бриза в «Фургончик» ворвался он — тот, кого Сольвейг хотела видеть меньше всего.

Густая курчавая борода и небрежно отросшие волосы скрывали половину лица. Рубашка,



кое-как заправленная в брюки, была измята. Глаза сияли чистейшим безумием, будто в его голове притаился злой дух из старых индейских сказок и теперь взирал на мир, не понимая, почему он заперт в клетке из костей и плоти.

Прохожие заглядывали в окно и спешили прочь, обходя «Фургончик» стороной. Здесь не от кого было ждать помощи. Безразличие к чужим секретам означало и безразличие к чужим бедам, но Сольвейг не была напугана. Она знала этого человека и зверя внутри него.

— Здравствуй, звездочет.

Он тряхнул косматой головой, уставился на Сольвейг и мимо нее одновременно. Его малиновый рот скривился, точно от зубной боли.

— Прошу тебя... не зови меня так. Я уже не... я давно не...

— Ты сам принял решение.

— И с тех пор не смотрел в небо...

— Так посмотри, Тодор, — сделав шаг вперед, Сольвейг оказалась совсем близко. От него веяло потом, несвежей одеждой и болотной тиной.

— Зачем?..

Сольвейг не могла ответить на этот вопрос, хоть и задавала его себе в каждом покинутом городе, в каждой оставленной жизни. Она положила ладони Тодору на плечи, пытаясь на миг удержать его взгляд. Медленно, будто одинокая капля дождя, стекающая по стеклу, Тодор опустился на колени и вцепился в подол ее платья.

— Верни мне ее...

— Нет, — слово-камень упало в мутную воду, нарушив ее покой. Первый рокочущий порыв ветра ударил в окно.





Тодор вскочил так быстро, что Сольвейг едва успела отшатнуться. Он попятился к двери. С губ слетело змеиное шипение – то говорил зверь.

– Вéщица... ты – зла вéщица!*

Она развела руками:

– Я смирилась со своей участью. Смирись и ты.

Тодор выбежал на улицу. Колокольчик зазвенел тревожным басом, точно церковный колокол. Сольвейг, тяжело дыша, прижалась к стене. Море. Ей необходимо было навестить море.



Небо серой бахромой висело над морем: еще чуть-чуть, и сверху к воде потянутся струи благословенного дождя. Ноги провалились в мокрый песок, заблестели камни, умытые брызгами, безмолвный лес ожил и зашептал точно заговорщик. Сольвейг раскинула руки навстречу ветру – он заключил ее в объятия. Море не раз приходило на помощь, когда она слышала в спину эти слова. Ведьма, чародейница, вештица. Сольвейг больше не хотела убегать – в этом не было нужды, но такая жизнь казалась ей взятой взаймы. Она не могла вдохнуть полной грудью: ее собственный зверь метался в клетке из ребер.



Северный ветер донес голоса прежде, чем она увидела разбитое окно «Фургончика» – в ускользающем свете ютились тени. Сольвейг подошла

* Злая ведьма (болг.).

